

УДК [330.34+316.42](1-926):616-036.21:578.834.1

АФРИКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Юмаев Е. А.

*Омский государственный технический университет, Омск, Российская Федерация
E-mail: egorumaev@rambler.ru*

В статье представлены результаты исследования, раскрывающие особенности эпидемиологической обстановки в Африке в условиях распространения COVID-19, влияния принятых ограничительных санитарных мер на социальное и экономическое развитие континента. Сделан вывод о невысоком уровне распространения новой коронавирусной инфекции. Выявлены причины, определившие низкий уровень заболеваемости COVID-19. Негативные социальные и экономические последствия в значительной части обусловлены снижением спроса на мировом рынке на традиционно экспортируемые из Африки полезные ископаемые, ограничением притока инвестиций из промышленно развитых стран, запретом на выезд для трудовых мигрантов. Пример ЮАР показывает необходимость гибкости в принятии решений о санитарных ограничениях, чрезмерная жесткость которых не дает гарантии остановки распространения эпидемии, провоцирует тяжелые социальные и экономические последствия. В текущих условиях труднореализуемыми представляются инициативы африканского сообщества о коренной модернизации экономики, развития всех видов современной инфраструктуры. Собственных средств на реализацию гигантской инвестиционной повестки на континенте нет. Бюджетные ресурсы, недостаточные и в период до пандемии COVID-19, перенаправляются на поддержание системы здравоохранения, помощь населению и бизнесу.

Ключевые слова: Африка, COVID-19, пандемия, санитарные ограничения, эпидемиологическая обстановка, заболеваемость, экономический кризис, инвестиции, Южно-Африканская Республика (ЮАР)

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на впечатляющие успехи экономического развития последних десятилетий большинство стран Африки в целом плохо подготовлены к мировому санитарному COVID-19-кризису как с точки зрения медицины, так и с точки зрения экономики. После первого подтвержденного случая COVID-19 в Египте 14 февраля 2020 г. Всемирная организация здравоохранения чуть ли не ежедневно призывала Африку готовиться к худшему, ожидая небывалый всплеск пандемии по причине крайне неудовлетворительного развития системы здравоохранения [1]. Действительно, состояние национальных систем здравоохранения ограничивает возможности африканских стран следовать рекомендациям ВОЗ. Даже самое элементарное требование, – регулярно мыть руки, – не может быть выполнено, поскольку огромное число жителей континента, в первую очередь к югу от Сахары, не имеют доступа к чистой воде и средствам гигиены [2].

Фитуни Л. Л. отмечает недостаточную эффективность усилий последнего десятилетия по поиску общеафриканских подходов для активного наращивания научного, технологического, инновационного потенциала в целях преодоления колониальности в науке [3, с. 15–16]. Пандемия COVID-19 показала, как санитарные потрясения могут спровоцировать мощный социально-экономический кризис, обрушить благосостояние населения. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Сапунцов А.Л.

отмечают рост социальной тревожности, снижение доступности продовольствия, смещение потребительского спроса в Африке в пользу дешевых, менее питательных продуктов, высокую волатильность цен на продовольствие [4, с. 13–32]. В условиях пандемии сильно пострадали жители Африки, занятые в теневом секторе экономики, что заставляет задуматься о необходимости запуска государственных программ, направленных на поддержку занятости в этом секторе [5, с. 145–146, 149–152], который, очевидно, невозможно форсированными темпами вывести в поле «наблюдаемой экономики». Закрытие африканских границ, запреты на выезд спровоцировали тяжелое положение африканских трудовых мигрантов, не находящихся для себя работу в собственной стране [6, с. 150].

Несмотря на невысокий в сравнении с другими макрорегионами мира регистрируемый уровень заболеваемости и смертности от COVID-19, показатели промышленного производства, потребления, туризма, финансового сектора резко пошли вниз на фоне мирового санитарно-экономического кризиса [7, с. 126]. Дополнительные трудности создает нарастающее геополитическое и геоэкономическое противостояние между крупнейшими державами планеты [8, с. 76], – в этой гонке Африка с ее быстрорастущим населением является не столько активным участником, сколько ареной борьбы за перспективные рынки сбыта.

Цель проведенного исследования заключается в углубленном изучении динамики распространения заболеваемости COVID-19 в Африке в ее взаимосвязи с новыми экономическими и социальными вызовами, определении перспектив экономического развития стран континента.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Исследование ежемесячной динамики заболеваемости с мая 2020 г. по август 2021 г. позволяет уверенно заявить: уровень проникновения COVID-19 в страны Африки оказался небольшим вопреки самым мрачным прогнозам. В таблицах 1 и 2, составленных автором на основе данных Университета Джона Хопкинса / Johns Hopkins University [9], представлены показатели, отражающие уровень проникновения COVID-19 на африканский континент.

Таблица 1

Уровень заболеваемости COVID-19 с мая 2020 г. по сентябрь 2021 г.

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %
08.05.20	36,4	0,95	2827,0	73,51
08.06.20	145,5	2,07	4705,9	66,88
08.07.20	420,7	3,55	7764,3	65,63
08.08.20	872,5	4,49	13428,7	69,13
09.09.20	1100,5	3,98	19408,6	70,27
08.10.20	1273,2	3,53	25429,9	70,49
08.11.20	1570,5	3,14	33332,7	66,72

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %
08.12.20	1922,4	2,85	44092,9	65,27
08.01.21	2499,6	2,84	57318,2	65,11
08.02.21	3027,7	2,85	69067,8	65,02
08.03.21	3205,3	2,74	75235,8	64,35
08.04.21	3426,3	2,57	84494,3	63,42
08.05.21	3645,1	2,33	100453,0	64,20
08.06.21	3973,1	2,30	111877,6	64,47
08.07.21	4501,5	2,43	118568,4	64,08
08.08.21	5395,9	2,67	126919,5	62,73
08.09.21	6011,8	2,71	137173,2	61,78

Таблица 2

Ежемесячный прирост заболеваемости COVID-19

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	Количество новых случаев, тыс. человек	Прирост, в % к предыдущему месяцу	Количество новых случаев, тыс. человек	Прирост, в % к предыдущему месяцу
08.06.20	109,1	299,7	1878,9	66,5
08.07.20	275,2	189,1	3058,4	65,0
08.08.20	451,8	107,4	5664,4	73,0
09.09.20	228,0	26,1	5979,9	44,5
08.10.20	172,6	15,7	6021,3	31,0
08.11.20	297,3	23,4	7902,7	31,1
08.12.20	351,9	22,4	10760,3	32,3
08.01.21	577,2	30,0	13225,3	30,0
08.02.21	528,1	21,1	11749,6	20,5
08.03.21	177,6	5,9	6168,0	8,9
08.04.21	221,0	6,8	9258,5	12,3
08.05.21	218,8	6,4	15958,7	18,9
08.06.21	328,0	9,0	11424,6	11,4
08.07.21	528,4	13,3	6690,8	6,0
08.08.21	894,4	19,9	8351,1	7,0
08.09.21	615,9	11,4	10253,7	8,1

Из всех стран Африки наибольший «вклад» в уровень заболеваемости «вносит» Южно-Африканская республика (ЮАР), в августе и сентябре 2020 г. занимавшая соответственно 5 и 8 место среди 188 стран и регионов мира. В последующие месяцы в общемировом рейтинге ЮАР стала опускаться вниз. Доля ТОП-10 стран Африки в

общемировых показателях аналогично стала сокращаться, хотя прирост в абсолютных цифрах сохранялся в течении всего исследуемого периода. Рост уровня заболеваемости по состоянию на 08.08.2021 преимущественно произошел за счет трех стран: ЮАР (+411,2 тыс. новых случаев заражения за месяц), Марокко (+162,7 тыс. новых случаев заражения за месяц), Тунис (+143,2 тыс. новых случаев заражения за месяц). Соответственно, всего три страны из ТОП-10 африканских стран с 8 июля 2021 г. по 8 августа 2021 г. «обеспечили» 80% всех новых случаев заражения (717,1 тыс. из 894,4 тыс.).

Однако, уже к 08.09.2021 отмечается снижение числа заболевших от COVID-19 в ТОП-10 стран Африки. В ТОП-10 стран мира по заболеваемости COVID-19, напротив, число случаев заражения возросло.

Население ЮАР в целом дисциплинированно выполняло распоряжение правительства о самоизоляции, принятое в самом начале пандемии. Исследователи отмечают, что спустя 2 недели после резкого сокращения мобильности граждан заболеваемость, действительно, снизилась. Ученые также отмечают следующую особенность, которую должны учитывать органы государственной власти не только в ЮАР: соблюдение требования о самоизоляции явилось очень серьезной проблемой для жителей сельской местности и горожан с низкими доходами. Следовательно, в ситуациях, подобных пандемии COVID-19, необходимо продумать механизмы компенсаций для самых социально уязвимых слоев населения [10].

Исследователь из Университета Йоханнесбурга Сеан М. Мюллер / Seán M. Muller указывает на существенную ошибку, допущенную властями Южно-Африканской Республики с самого начала пандемии: чрезмерное доверие мнению ограниченного круга экспертов из научного мира о неминуемой катастрофе, по причине чего были реализованы жесткие меры по самоизоляции. В ответ на нарастающее недовольство и стремительное падение доходов населения официальные власти постоянно ссылались на мнения ученых. Таким образом, отсутствовала гибкость в принятии управленческих решений. Даже тогда, когда необходимость смягчения карантинных мер была абсолютно очевидной, власти республики не могли их отметить по причине изначально объявленной позиции и ссылок на мнения авторитетных специалистов из научного мира. В результате режим самоизоляции был гораздо более строгим, чем это требовалось. Резко ухудшилась социальная обстановка, снизился уровень жизни населения. Власти страны на старте лишили себя возможности поиска оптимального баланса между остановкой экономики и санитарными ограничениями, что крайне неблагоприятно отразилось на всех сферах жизни страны [11].

Несмотря на глубокий карантин избежать распространения COVID-19 на территории ЮАР не удалось, а по причине остановки экономики у правительства страны быстро закончились деньги на дополнительные социальные выплаты и поддержку экономических субъектов [12].

Помимо ЮАР ни одна африканская страна не вошла в мировой ТОП-10 стран по заболеваемости COVID-19 в течении исследуемого периода. Вторую строчку среди ТОП-10 африканских стран в первые 5 месяцев занимал Египет (в общемировом рейтинге места с 24 по 47). Последующие четыре месяца вторую строчку по

заболеваемости среди африканских стран «удерживало» Марокко (в общемировом рейтинге места с 30 по 34). Позиции остальных стран значительно ниже. В целом ситуация в ЮАР, Марокко, Тунисе, Египте оказывала определяющее влияние на общую статистику COVID-19 в Африке. Указанные страны отличаются высокой урбанизацией, привлекательны для посещения туристами со всего мира, имеют широкие внешнеторговые связи с зарубежными государствами. По состоянию на 08.09.2021 в общемировом рейтинге по заболеваемости COVID-19 Южно-Африканская Республика занимала 17-е место; Марокко – 37-е; Тунис – 46-е; Эфиопия – 74-е; Египет 77-е.

На 8 сентября 2021 г. доля всех стран Африки по числу заразившихся COVID-19 в мире составила 3,47%. Число случаев со смертельным исходом по причине заражения COVID-19 на континенте 195,7 тыс. против 4588,9 тыс. во всем мире (4,26%). В 2020 г. доля Африки по численности населения составила 17,21% от общемирового показателя (по состоянию на 18.09.2021 г. согласно данным портала Worldometer – 17,5%), поэтому результаты, во всяком случае официально публикуемые, позволяют опровергнуть прогнозы, согласно которым ситуация в Африке должна была пойти по самому неблагоприятному пути. И это на фоне оценок самих африканцев, которые в середине апреля 2020 г. прогнозировали 300 тыс. смертей при самом благоприятном сценарии, если будут реализованы максимальные меры противодействия COVID-19 при 10 миллионах заболевших [13]. По итогам и количество заболевших, и количество случаев со смертельным исходом оказалось в разы ниже прогнозов.

Французские специалисты выделяют следующие причины низкой заболеваемости в Африке [14; 15]:

- низкое число проверок из-за острой нехватки тестов;
- эпидемия пришла в Африку с «опозданием» относительно Европы и США, что позволило местным органам власти принять меры профилактики;
- низкая плотность населения: основная часть жителей сосредоточена в столицах, которые были закрыты от остальной территории государств, что исключило «транспортировку» вируса в обширные малонаселенные нестоличные ареалы;
- несмотря на предпринимаемые шаги в усилении связности территории континента, африканские страны по-прежнему живут изолированно друг от друга, число пересечений государственных границ невелико;
- Африка в целом менее популярна как туристическое направление;
- отсутствует практика отправки тысяч студентов на учебу в Европу и Северную Америку, как в Индии и Китае, поэтому нет возвращающихся домой потенциально зараженных студентов;
- по причине не очень высокой продолжительности жизни в структуре населения преобладают люди молодого возраста, более устойчивые к COVID-19;
- для жителей Африки не характерно ожорство и переедание, население не страдает от избыточного веса, который является одним из первых «помощников» коронавируса;

– недостаточная диагностическая мощность здравоохранения африканских стран, а также специфические социокультурные факторы, ограничивающие отчетность о заболевании [16], требующие проведение систематических исследований и анализа корректности официально предоставляемых сведений об уровне и особенностях протекания заболевания, в том числе у лиц, имеющих иные хронические заболевания [17];

– исследования показывают, что население, проживающее в регионах с высоким риском распространения малярии, оказывается более устойчивым к COVID-19. Сделано предположение, что этому способствует иммунизация жителей от малярии. Кроме того, Африка является территорией, где все население получает прививку БЦЖ. Так, в наиболее пострадавших от COVID-19 США и Италии такая прививка давно не ставится. Впрочем, Всемирная организация здравоохранения не рекомендовала прививку БЦЖ как средство от коронавируса [18; 19].

В ходе видеосеминара, проведенного Институтом Африки РАН в марте 2020 г., исследователи из России и Африки указали на следующие причины низких темпов распространения COVID-19 на континенте и относительно невысокую в сравнении с другими макрорегионами смертность [20, с. 8]:

– благоприятные факторы внешней среды (высокие температуры, значительное солнечное облучение, низкая распространенность респираторных заболеваний вследствие жаркого сухого климата);

– медианный возраст населения Африки – 19,6 лет;

– дома престарелых преимущественно сосредоточены в Южно-Африканской Республике в среде белого населения;

– относительно невысокая средняя плотность населения (42 человека на 1 км²);

– низкая мобильность населения;

– «генетический» иммунитет, выработавшийся у африканских народов, столетиями подвергающихся атакам болезнетворных вирусов (в том числе с коронавирусами народы Африки сталкиваются не в первые [6, с. 148]);

– массовый прием антималярийных лекарственных средств и серия вакцинаций от вирусов в 2010-х годах.

Кроме того, некоторые страны Африки накопили опыт успешной борьбы со смертельными заболеваниями. Например, с такими, как лихорадка Эбола, малярия, денге. Закрытие границ, социальное дистанцирование, и, хоть и не всегда успешно реализованное, – дистанционное обучение, – были неплохо отработаны в ряде стран Африки еще до начала пандемии COVID-19 [21, с. 23]. Жители Африки традиционно много времени проводят на природе, что также повышает общий уровень сопротивляемости коронавирусу [6, с. 148].

Отличие Африки от экономически благополучных стран состоит в том, что принятие экстренных мер происходит в условиях острых ограничений системы здравоохранения и высокой заболеваемости и смертности от других инфекционных болезней. В связи с этим в африканском обществе очень выражена тревога по поводу более широких медицинских, социальных и экономических последствий тех мер, которые реализуются для замедления распространения COVID-19. Высокий риск, что концентрация усилий на противодействии коронавирусу спровоцирует выход из-под

контроля других инфекционных заболеваний [22]. И, действительно, в 2020 г. государственные программы в области здравоохранения, не связанные непосредственно с COVID-19, были прерваны или их реализация сильно замедлилась [16], в связи с чем резко увеличилась необходимость гуманитарной помощи [23].

Важным вопросом для стран континента является доступность вакцин. Очевидно, что промышленно-развитые страны в первую очередь будут обеспечивать вакцинами свое население. Закупка вакцин требует финансовых средств, которых в условиях резко возросших в 2020-м и начале 2021 г. расходов на социальную поддержку, здравоохранение и помощь наиболее пострадавшим предприятиям катастрофически не хватает. Выход африканскими учеными видится в проведении исследований по эффективности доступных населению средств традиционной народной медицины и лекарств на основе натуральных продуктов местного происхождения [24]. Это серьезный, актуальный вопрос и одновременно вызов для африканской науки, требующий консолидации усилий научных коллективов и проведения клинических испытаний, подтверждающих безопасность и эффективность лечения COVID-19 такими препаратами.

Конечно же, ограничительные санитарные меры крайне негативно влияют на экономическое развитие. Например, только в первые месяцы начала пандемии туристический поток между Китаем и Африкой сократился сразу на 46% [25]. Накануне пандемии многие африканские авиакомпании запустили прямые рейсы в Китай, которые в условиях санитарных ограничений не востребованы [26]. Туристическая отрасль, играющая заметную роль в наполнении бюджетов ряда африканских стран, одной из первых пострадала в условиях распространения COVID-19 на планете [27, с. 3].

В не менее сложной ситуации оказались африканские государства, для которых характерна монопродуктовая зависимость от цен на нефть [28, с. 52] или иной товар, доминирующий в национальном экспорте. ВВП нефтедобывающей Нигерии сократился на 6,1% во 2-м квартале 2020 г. ВВП «второй» по значимости нефтедобывающей страны континента, – Анголы, – ушел в минус уже в 1-м квартале 2020 г. (снижение на 1,8%). Южно-Африканская Республика, работающая в режиме строгих карантинных мер, столкнулась с падением ВВП на 17,1% во 2-м квартале 2020 г. Наиболее значительно по итогам 2020 г. сократился ВВП стран, экспортирующих металлы и топливно-энергетические ресурсы, в первую очередь нефть [29].

Согласно исследованиям Всемирного банка, в 2020 г. в Африке наблюдалась первая за последние 25 лет экономическая рецессия (падение суммарного ВВП стран континента на 3,3%). Порядка 40 млн. человек оказались в состоянии предельной бедности [29].

Для африканских стран в последние десятилетия в целом характерна ситуация, описанная в исследовании С.П. Турсунова «Экономические реформы в странах Магриба. Либерализация и приватизация» [30]: слаборазвитое машиностроение, особенно в высокотехнологичных отраслях, доминирование иностранных производителей, отсутствие значимых технологических прорывов, медленный рост местных обрабатывающих производств. Причинами, по мнению указанного автора,

могут быть низкая активность органов государственной власти в реформировании системы образования, недостаточная поддержка инноваций, неэффективность государственных институтов.

Сформировавшаяся в странах Африки сырьевая направленность экономики в условиях санитарно-экономического кризиса в очередной раз продемонстрировала высокий уровень зависимости благополучия континента от мирового спроса на энергоресурсы. Вместе с тем, в среднесрочной перспективе можно ожидать восстановления внешней торговли, в связи с тем, что значительная часть природных ресурсов Африки востребована в высокотехнологичных секторах экономики промышленно развитых стран [12]. Впрочем, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса могли бы быть еще более тяжелыми, если бы не низкая включенность континента в мировую транспортно-логистическую систему.

Понимание того, что менять сложившуюся архаичную структуру экономики необходимо, в странах Африки есть. 24 июля 2010 г. был дан официальный старт Программе развития инфраструктуры Африки / Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA) [31], имеющей целью содействовать социально-экономическому развитию и снижению уровня бедности в Африке посредством создания интегрированных сетей региональной инфраструктуры [32].

Согласно оценкам международных экспертов, для создания в Африке инфраструктуры, соответствующей мировым стандартам, в период 2017–2040 гг. потребуются инвестиции в размере от \$4,3 до \$6 трлн. Около трети всех инвестиций необходимо направить на развитие транспортного сектора [33]. В январе 2021 г. в Аддис-Абебе состоялась 6-я сессия, посвященная реализации самой масштабной panafricanской программы развития. Итог неутешительный: за пять лет, с 2016 по 2021 гг., значимых результатов нет, большая часть проектов проходит стадию согласования [34]. Причинами, по нашему мнению, могут быть:

- нехватка квалифицированных специалистов, способных готовить документацию по инфраструктурным проектам для крупнейших мировых инвесторов в соответствии с международными стандартами;

- проекты на африканском континенте в целом отличаются высоким уровнем риска по причине многочисленных военных конфликтов и нестабильной внутриаполитической обстановки в странах континента, а также включают дополнительные статьи затрат вследствие невысокого уровня профессиональной подготовки местных специалистов и недостаточного развития базовой, в первую очередь транспортной и энергетической, инфраструктуры;

- если инвестиции не удалось привлечь до начала пандемии, то в условиях новой коронавирусной реальности промышленно развитые страны будут направлять усилия на восстановление собственной экономики и социальную поддержку своих граждан. Инвестиционные потоки в Африку как минимум в среднесрочной перспективе значительно сократятся.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что эпидемиологическая ситуация в Африке на фоне остальных регионов мира развивается по благоприятному сценарию. Не подтверждена изначально выдвинутая гипотеза о том, что Африку ждет неминуемая эпидемиологическая катастрофа. Это не исключает возникновения новых рисков в будущем по причине того, что все усилия национальных систем здравоохранения направлены только на противодействие коронавирусу, резко снижена профилактика других опасных инфекционных заболеваний, характерных для региона.

Пример Южно-Африканской Республики показывает, что строгие карантинные меры не дают гарантии нераспространения COVID-19, провоцируют быстрое углубление экономического кризиса.

Необходимость выделения дополнительных денежных средств из бюджетов африканских стран для национальных систем здравоохранения ложится тяжелым бременем на экономику. Традиционно большинство стран Африки не обладает сколько-нибудь значительными золотовалютными резервами, поэтому внеплановые медицинские расходы, затраты на поддержку населения и бизнеса закономерно вызовут разбалансировку государственных финансов. Продолжится рост долговой нагрузки, ухудшится структура государственного долга. Если долги не будут списаны богатыми странами, неминуема череда дефолтов.

Пандемия COVID-19 и обусловленный ею мировой экономический кризис серьезно затронули все страны континента, причем наиболее пострадали самые уязвимые слои населения. В очередной раз отодвигается вопрос решения проблемы бедности. Проекты по разработке месторождений нефти и газа и других природных ресурсов продолжатся. Но, если по-прежнему будет иметь место экспорт необработанных природных ресурсов без создания в самой Африке промышленных мощностей для их переработки, достижение амбициозных целей, которые декларируются африканским сообществом, будет снова и снова откладываться.

Список литературы

1. Imray G. Africa's 43% jump in COVID-19 cases in one week worries experts. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/africas-43-jump-in-covid-19-cases-in-one-week-worries-experts/>.
2. Okoi O., Bwawa T. How health inequality affect responses to the COVID-19 pandemic in Sub-Saharan Africa // World Development. 2020. Vol. 135. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X20301935?via%3Dihub>.
3. Фитуни Л. Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 15–24. [Электронный ресурс]. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750014642-8-1/>.
4. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Сапунцов А. Л. Распространение коронавируса в Африке: региональные паттерны и экономические последствия // Экономические отношения. 2021. Т. 11, № 1. С. 13–38. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45625178>.
5. Дробот Е. В. Теневая экономика в Африке в условиях пандемии COVID-19 // Теневая экономика. 2021. Т. 5, № 2. С. 145–155. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46338659>.
6. Мугадам М. М. COVID-19 в Африке и его влияние на африканских мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 2. С. 145–152. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45711312>.

7. Mruyi Nguala N. Les conséquences du COVID-19 sur l'économie africaine // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 125–128. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46335702>.
8. Секачева А. Б. Состояние и перспективы социально-экономического развития Франции в условиях глобальной и региональной нестабильности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 76–86. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44648269>.
9. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). [Электронный ресурс]. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>.
10. Carlitz R. D., Makhura M. N. Life under lockdown: Illustrating tradeoffs in South Africa's response to COVID-19 // World Development. 2021. Vol. 137. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105168>.
11. Muller S. M. The dangers of performative scientism as the alternative to anti-scientific policymaking: A critical, preliminary assessment of South Africa's Covid-19 response and its consequences // World Development. 2021. Vol. 140. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105290>.
12. Баринов А. К., Сугаков Г. К., Алешин К. А. Россия и Африка в современном мире: вызовы и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 71–77. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44883411>.
13. Covid-19: l'Afrique, prochain foyer de la pandémie? [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/l-afrique-face-au-covid-19-un-tournant-critique-18-04-2020-2371950_3826.php.
14. Bobin F. Coronavirus: pourquoi l'Afrique résiste mieux que le reste du monde. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/05/05/coronavirus-pourquoi-l-afrique-resiste-mieux-que-le-reste-du-monde_6038758_3212.html.
15. Deluzarche C. Coronavirus en Afrique: pourquoi la catastrophe annoncée n'a pas eu lieu? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.futura-sciences.com/sante/actualites/coronavirus-coronavirus-afrique-catastrophe-annoncee-na-pas-eu-lieu-79699/>.
16. Hardy É. J. L., Flori P. Spécificités épidémiologiques de la COVID-19 en Afrique: préoccupation de santé publique actuelle ou future? Epidemiological specificities of COVID-19 in Africa: Current or future public health concern? // Annales Pharmaceutiques Françaises. 2021. Vol. 79, Issue 2. P. 216–226. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.pharma.2020.10.011>.
17. Aberhe W. et al. The burden and outcomes of COVID-19 among patients with co-morbid disease in Africa: protocol for a systematic review and meta-analysis // New Microbes and New Infections. 2021. Vol. 39. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.nmni.2020.100802>.
18. Coronavirus disease 2019 (COVID-19). Situation Report – 84. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200413-sitrep-84-covid-19.pdf>.
19. Covid-19, les rapports de l'OMS d'avril 2020. Rapport 84 du 13 avril 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://infodujour.fr/sante/34280-covid-19-les-rapports-de-oms-avril-2020>.
20. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 5–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43984483>.
21. Тему А.-М. Т., Никольская М. В. Пандемия COVID-19 в Восточной Африке: анализ и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 22–28. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43976586>.
22. Wess D. J. et al. Indirect effects of the COVID-19 pandemic on malaria intervention coverage, morbidity, and mortality in Africa: a geospatial modelling analysis // The Lancet. 2021. Vol. 21, Issue 1. P. 59–69. [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/S1473-3099\(20\)30700-3](https://doi.org/10.1016/S1473-3099(20)30700-3).
23. Болдырева Е. Л. Стратегия Финляндии в Африке // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1 (19). С. 32–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44782149>.
24. Omokhua-Uyi A. G., Staden Van J. Natural product remedies for COVID-19: A focus on safety // South African Journal of Botany. 2021. Vol. 139. P. 386–398. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sajb.2021.03.012>.

25. Elbany M., Lihenawy Y. Analyzing the ultimate impact of COVID-19 in Africa // Case Studies on Transport Policy. 2021. Vol. 9, Issue 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2021.03.016>.
26. Voysey M. et al. Safety and efficacy of the ChAdOx1 nCoV-19 vaccine (AZD1222) against SARS-CoV-2: an interim analysis of four randomised controlled trials in Brazil, South Africa, and the UK // The Lancet. 2021. Vol. 397, Issue 10269. P. 99–111. [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32661-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32661-1).
27. Апатова Н. В., Бакуменко М. А., Титаренко Д. В. Функционирование санаторно-курортного комплекса Республики Крым в период пандемии COVID-19 // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 3–13. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44157930>.
28. Дмитриев А. С., Книппель А. С., Чеховская И. А. О перспективах развития российского нефтяного экспорта в условиях глобального экономического кризиса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 52–62. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45635618>.
29. World Bank Confirms Economic Downturn in Sub-Saharan Africa, Outlines Key Policies Needed for Recovery. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/10/08/world-bank-confirms-economic-downturn-in-sub-saharan-africa-outlines-key-policies-needed-for-recovery>.
30. Турсунов С. П. Экономические реформы в странах Магриба. Либерализация и приватизация // Азия и Африка сегодня. 2021. № 1. С. 49–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44746785>.
31. Lancement officiel du Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afdb.org/fr/news-and-events/official-launch-of-pida-7073>.
32. Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afdb.org/fr/topics-and-sectors/initiatives-partnerships/programme-for-infrastructure-development-in-africa-pida#:~:text=PIDA%20est%20un%20programme%20continental,%2C%20eau%2C%20t%C3%A9l%C3%A9communications%20et%20TIC>.
33. Алешин К. А., Баринов А. К., Заноскина Е. Н. Транспорт Африки: планы и возможности // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 35–40. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37140435>.
34. Wade A. Focus sur les méga-projets prioritaires (PIDA): des éléphants blancs? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.financialafrik.com/2021/01/18/focus-sur-les-mega-projets-prioritaires-pida-des-elephants-blancs/>.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021